

Р.А. Фадеев

**Мнение о восточном
вопросе**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р11

Р11 **Р.А. Фадеев**
Мнение о восточном вопросе / Р.А. Фадеев – М.: Книга по Требованию, 2014. –
100 с.

ISBN 978-5-518-08774-3

ISBN 978-5-518-08774-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

его въ войну и, вмѣстѣ съ тѣмъ, указать на правленіе войны и степень ея напряженія. Такое политическое понятіе, предшествующее всякому военному выводу, можетъ быть не вѣрно или односторонне, что, конечно, отразится на выводѣ; но безъ него нельзя приступить къ военному вопросу, безъ этого основанія предметомъ разсужденія будетъ искусство для искусства, а не дѣйствительность. Мой расчетъ вооруженныхъ силъ основывается также на законченномъ понятіи о нашихъ политическихъ или, вѣрнѣе сказать, историческихъ, отношеніяхъ (такъ какъ тутъ дѣло идетъ не о текущемъ днѣ). Мысль, на которой построенъ расчетъ, слѣдующая: ни одинъ изъ близкихъ намъ европейскихъ вопросовъ, и особенно главный изъ нихъ—восточный, не можетъ быть поконченъ мѣстной войною (восточный, на примѣръ, войною на Балканскомъ полуостровѣ); послѣдняя война была въ этомъ отношеніи явленіемъ случайнымъ и исключительнымъ, не повторяющимся дважды. Столкнове-ніе наше съ Европою, или съ частію ея, можетъ порѣшиться только борьбою съ лица, т. е. войною на западной границѣ; а потому международную силу Россіи надо мѣрять не только преимущественно, но почти исключительно силою, которую она можетъ выставить на западномъ своемъ предѣлѣ, оставаясь въ то же время въ оборонительномъ положеніи на прочихъ границахъ, гдѣ нужно.

Утвержденіе это, несомнѣнное въ моихъ

глазахъ, привело къ недоразумѣнію. Мы замѣчали въ рецензіяхъ, что, кромѣ восточнаго вопроса, никакой другой не можетъ возбудить противъ насъ коалицію, потому что польское дѣло не представляетъ для Европы существенной важности; что восточный вопросъ, какъ показываютъ факты, не поведетъ къ столкновенію на западной границѣ; что союзники 1854 г. не предприняли сухопутной войны вслѣдствіе того, что Англія не хотѣла изъ-за восточныхъ дѣлъ передѣлывать европейскую карту, чего надо ждать и въ будущемъ, и т. д.

На такія замѣчанія можно было бы отвѣчать въ короткихъ словахъ: 1) Коалиція противъ насъ внѣ восточнаго вопроса до такой степени возможна, что въ 1863 году, когда Наполеонъ хлопоталъ въ Вѣнѣ о наступательномъ союзѣ, коалиція чуть было не состоялась. Австрія колебалась нѣсколько дней, и если бы тогдашнее ея правительство было немного рѣшительнѣе (въ доброй волѣ у него не было недостатка), то противъ насъ образовался бы грозный союзъ изъ Франціи, Австріи и Италиі, въ обходъ мало тогда значившей и еще не увѣренной въ себя Пруссіи, безъ поминна о восточныхъ дѣлахъ. Всякое волненіе Польши грозило и будетъ грозить намъ тою же опасностію. 2) Англія точно—не желала связывать польскій вопросъ съ восточнымъ, но не до такой степени, чтобы признать себя побѣжденною и отказать отъ своихъ требованій на востокъ для избѣжанія его. Обратитъ же морскую

войну въ сухопутную зависѣло не отъ западныхъ державъ, а отъ Австріи, которая одна могла открыть союзникамъ доступъ въ нашей западной границѣ. 3) Сухопутная война не вспыхнула по восточному вопросу въ 1856 году отъ того лишь, что мы отступили передъ нею и отказались не только отъ недавнихъ требованій, но отъ давнихъ преимуществъ вслѣдствіе ультиматума Австріи; иначе война легла бы всюю тяжестью именно на западную границу. Я брахъ въ примѣръ для расчисленія силъ послѣднюю войну, причемъ очевидно должно было руководиться не буквально тѣмъ, что случилось, а тѣмъ, что *непримѣнно* должно было случиться, если бы мы продолжали настаивать на своихъ требованіяхъ. Я имѣлъ въ виду не случайную и безцѣльную войну, какъ въ 1853 — 1856 годахъ, но войну обдуманную, со средствами, за рачѣе соображенными съ цѣлію. Для многихъ читателей было бы достаточно этого объясненія.

Но такимъ образомъ не быдъ бы еще устраненъ источникъ недоразумѣній между книгою и читателями. Основаніемъ приведеннаго въ книгѣ расчета русскихъ силъ служитъ личный, но, конечно, твердо установленный взглядъ на военно-политическія потребности Россіи. Я не считалъ нужнымъ раскрывать его съ послѣдовательностію въ книгѣ. Начальныя практическія основанія, каково особенное значеніе западной арміи, казались мнѣ очевидными и тождественными, съ какою точки зрѣнія ни смо-

трѣть на нихъ. Недоумѣніе рецензій, — стало быть и читателей, — заставляетъ меня высказаться. Я не могу вдаваться въ подробности и потому не представляю никакого новаго факта; но укажу то соотношеніе между фактами, изъ котораго истекаетъ мой взглядъ.

Ососредоточимся на восточномъ вопросѣ. Онъ дѣйствительно самый существенный для насъ, потому что одинъ только *постоянно* грозитъ намъ враждебною коалиціею. Какъ, во время сильной эпидеміи, всѣ болѣзни носятъ на себѣ ея отчужденность, такъ и по восточному вопросу, куда онъ стоитъ не разрѣшенный, всѣ причины столкновенія Россіи съ западомъ вытекаютъ изъ него или въ него втекаютъ; онъ служитъ имъ общемою связью. Согласиться въ истинномъ значеніи восточнаго вопроса и въ опредѣленіи кореннаго препятствія, не допускающаго до сихъ поръ разрѣшенія его въ русскомъ, т. е. справедливомъ смыслѣ, — значитъ согласиться на счетъ сущности военно-политическаго положенія Россіи — стало быть, и важности для насъ того или другаго основанія военныхъ дѣйствій.

Собственно говоря, недоразумѣніе происходитъ отъ различія понятій на счетъ предѣловъ восточнаго вопроса.

Предѣлы эти чрезвычайно раздвинулись въ текущее столѣтіе. Отъ прежняго восточнаго вопроса осталось одно названіе; все прочее — сущность а размѣры стали иными. Можно прослѣдить съ чрезвычайною точностію внутренней ростъ вопроса по отношеніямъ, въ какія

постепенно становилась въ намъ Австрія при каждой изъ нашихъ турецкихъ войнъ. Никакой барометръ не показываетъ такъ вѣрно погоду, какъ степень непріязни Австріи къ намъ—состояніе восточнаго вопроса, потому что для нея это вопросъ не политическій, какъ для Франціи и Англіи, а свой, жизненный въ таковой же мѣрѣ, какъ для насъ—только въ обратномъ смыслѣ.

Въ 1786 г. былъ заключенъ союзъ между Екатериною II и Іосифомъ II для завоеванія, раздѣла и перерожденія европейской Турціи. Въ этомъ союзѣ выразилась въ послѣдній разъ мысль, триста лѣтъ занимавшая Европу, объ изгнаніи невѣрныхъ варваровъ изъ ея владѣній, — разумѣется, съ приманкою личныхъ интересовъ. Единовѣріе наше съ балканскими народами значило тогда много для турецкихъ раевъ и мало для Европы; единоовровіе наше съ ними не имѣло значенія ни для кого: стремленія къ народности еще не существовало. Мы отдавали Австріи гургомъ православныхъ славянъ Сербіи и Босніи, она обѣщала за то помогать намъ въ возстановленіи византійской имперіи; о другомъ преемникѣ для Турціи еще никому не думалось. Славянъ дѣлили, какъ товаръ, между вѣмцами и греками. На такихъ основаніяхъ Австрія могла быть за одно съ нами.

Въ 1807 г. она смотрѣла на дѣло уже другими глазами въ слѣдствіе нежданнаго и успѣшнаго возстанія Сербовъ. Могло ли государство,

населенное 19-ю милліонами порабощенныхъ славянъ; видѣть равнодушно этихъ новыхъ турецкихъ наследниковъ, и гдѣ же?—вдоль границы Крoаціи и Воеводины. Въ дѣйствіяхъ Австріи выказался тогда же новый планъ политики по восточному вопросу, которому съ тѣхъ поръ она слѣдовала неуклонно. Вѣнскій кабинетъ употребилъ въ ту пору всѣ зависѣвшія отъ него средства, чтобы разорвать союзъ Франціи съ Россією, грозившій ему одною только, но для него невыносимою опасностію—уступками со стороны Франціи по восточному вопросу. Для избѣжанія подобной сдѣлки, болѣе, чѣмъ для чего либо другаго, Австрія сначала бросилась въ войну съ Наполеономъ, потомъ отдала за него свою эрцгерцогиню и пошла къ нему въ союзъ.

Она не успѣла, однако же, помѣшать освобожденію Сербіи. Императоръ Александръ, не находившійся еще подъ вліяніемъ Меттерниха, настоялъ на своемъ. Но извѣстно, что затѣмъ произошло. Когда человѣческое чувство и стыдъ передъ своими народами едвали всѣ европейскія правительства, даже англійское, въ пользу грековъ, — одна Австрія оставалась непреклонною и долго тормозила Россію именемъ священнаго союза. Казалось бы, однако же, «великая идея» возстановленія греческой имперіи, а тѣмъ менѣе первый шагъ къ этой еще отдаленной цѣли не должны были пугать племянника Іосифа II-го; но въ 30 лѣтъ, протекшихъ со времени австрорусскаго союза противъ ту-

ровъ, для зоркой Австріи стало ясно, чѣмъ подбитъ восточный вопросъ: тамъ, гдѣ другіе говорили *греки*, она думала уже *сербы и болгары*. Когда истошилось, наконецъ, терпѣніе русскаго правительства и покойный государь повелъ свою армію за Дунай, Австрія, не смотря на священный союзъ, выбивалась изъ силъ, чтобы избрать противъ Россіи такую же коалицію, какою удалось ей составить 25 лѣтъ спустя. Она оказалась несравненно рѣшительнѣе Англіи; въ Вѣнѣ прославляли каждую минутную нашу неудачу, какъ патріотическое торжество. На тотъ разъ только довѣріе Карла X къ слову императора Николая Павловича не разрушать Турціи и родственно дружескія отношенія съ Пруссіею избавили насъ отъ враждебнаго союза.

Съ тѣхъ поръ дѣйствительность уяснялась съ каждымъ днемъ. Задолго до восточной войны Европа, съ голоса Австріи, кричала о панславизмѣ. Событія 1848 года, выказавшія живучесть австро-славянскихъ населеній, не могли, конечно, задобрить владычествующіе классы и племена австрійской имперіи къ славянскимъ населеніямъ Турціи. Тайные переговоры, предшествовавшіе восточной войнѣ, до сихъ поръ мало извѣстны (*). Несомнѣнно, однако же, что Австрія пугливо старалась уладить раздоръ 1853 года, пока не увѣрилась въ готовности Франціи рискнуть войною, и стала раздвигать

(*) Кромѣ переговоровъ съ Англіею, которой не принадлежитъ почти этого дѣла.

его, когда приобрѣла эту увѣренность. Возможно ли допустить, чтобы вновь импровизованный императоръ французовъ, только что поднявшій опасное для Европы знамя бонапартовъ, позволилъ себѣ хотя первыя угрожающія демонстраціи, возжигавшія по немногу войну, которой никому не хотѣлось, не зная положительно, что Австрія съ нимъ, т. е. что на него не обрушится священный союзъ? По наружности союзъ этотъ былъ скрѣпленъ между Россіею и Австріею почти въ прежнемъ смыслѣ; Пруссія, хотя недовольная событіями 1851 года, не колебалась бы, безъ сомнѣнія, между своими старыми союзницами и бонапартовскою Франціею, если бы наружность оказалась дѣйствительностію и французамъ, вмѣсто Крыма, пришлось бы отбиваться въ Шампаніи. Въ завоевательные замыслы Россіи никто не вѣрилъ, а потому при единодушій сѣверныхъ державъ невозможно было рассчитывать на Англію. Если бы бывшій священный союзъ заговорилъ громко въ ту пору, на что онъ имѣлъ полное право, зная невинность Россіи во вводимыхъ на нее коварствахъ, Англія отступила бы мгновенно, предоставляя минутному союзнику раздѣляться, какъ самъ знаетъ. Безъ заручки, съ самаго начала, въ противоположномъ лагерѣ французскія демонстраціи 1853 года были бы безумнымъ рискомъ. Нельзя сомнѣваться поэтому, что нравственною зачинщицею коалиціи 1854 года была Австрія, а не Франція, не смотря на обманчивую постановку фактовъ. Австрія,

конечно, находила выгоднымъ загребать жаръ чужими руками; но она же развязала руки союзницамъ, потребовавъ отступленія русской арміи за Друть, заслонивъ отъ насъ Турцію своими войсками; она же въ послѣднюю минуту рѣшила дѣло, подождавъ на вѣсы тяжесть своей трехъ-сотъ-тысячной арміи; она же была не-оговорчивѣе всѣхъ при заключеніи мира.

Совершенно ясно, почему Австрія медлила окончательнымъ рѣшеніемъ въ прошлую войну, въ слѣдствіе чего дѣйствія разыгрались въ Юрьму, а не на Вислѣ. Во-первыхъ, Австрія была тогда еще историческою монархіею габсбурговъ, мы были нужны ей для ея германскихъ и италіанскихъ интересовъ; она не хотѣла торопить окончательный разрывъ съ Россіею, надѣясь достигнуть своихъ цѣлей однимъ вооруженнымъ нейтралитетомъ, въ чемъ и уцѣла (*). Во-вторыхъ, въ 1853—1856 годахъ не было и помину о *рѣшеніи* восточнаго вопроса, развѣ только въ стихахъ Хомякова; споръ шелъ о второстепенныхъ подробностяхъ. Этого, однако же, было достаточно, чтобы Австрія стала во враждебное положеніе, не смотря на опасность потерять столь важную для нея поддержку Россіи въ другихъ дѣлахъ, нынѣ уже ее не связывающихъ. Что же было бы, если бы теперь дошло до окончательнаго *рѣшенія* восточнаго вопроса?

(*) Первая австрійская депеша русскому кабинету по заключеніи парижскаго мира содержала приглашеніе обратить вниманіе на смутное положеніе италіанскихъ дѣлъ.

Позволительно ошибаться одинаковымъ образомъ не болѣе двухъ разъ: два раза равняются несомнѣнному опыту; а съ тѣхъ поръ, какъ Австрія уразумѣла впервые сущность восточнаго вопроса и приняла въ отношеніи къ нему твердо опредѣленную систему политики, мы уже два раза испытали невозможность не только порѣшить, но даже сколько нибудь улучшить дѣла Балканскаго полуострова помимо ея. Въ 1829 году наша армія дошла до Мраморнаго моря, но только на честномъ словѣ ограничиться при мирѣ одними греческими дѣлами въ заранѣ очерченномъ кругѣ (мы не могли освободить Кандію, хотя стояли подъ Константинополемъ). Въ 1854 г. мы вовсе не могли идти впередъ. Оба раза препятствіе было у насъ не съ лица, но съ тыла.

У насъ считаютъ главнымъ препятствіемъ къ вооруженному вмѣшательству въ турецкія дѣла—Францію и Англію. Но въ дѣйствительности Франція и Англія одинъ не могутъ при всемъ желаніи оградить отъ насъ европейскую Турцію, если у насъ развязаны руки на западной границѣ. Нельзя бороться посредствомъ десантовъ противъ равносильной державы, которой открытъ сухопутный доступъ въ спорную страну—ни по времени, ни по численности. Что значать всѣ перевозочныя морскія средства противъ двухъ-сотъ-тысячной арміи, дѣйствующей безостановочно. Въ 1854 году союзники употребили часть зимы и всю весну, чтобы перевезти въ Турцію 60 тысячъ солдатъ; по-